

ТАЙЛЕР НОВАК

ТОЙ НОЧЬЮ ШАРИК НЕ ЛАЯЛ

из цикла «Бобровка»

18+

Tyler Nowak

Той ночью Шарик не лаял

<https://litres.ru/74467672>

SelfPub; 2026

Аннотация

В глухой ложбине неподалёку от Бобровки стоит старая семейная пасека. Днём здесь слышен только гул пчёл, журчание ледяного родника и шелест травы. Ночью — тишина.

Александр Петрович, потомственный пасечник, никогда не верил в деревенские суеверия. Пока однажды не проснулся среди ночи и не увидел за окном человеческое лицо — косматое, неподвижное, с безумными глазами и почти беззубой улыбкой.

Самое страшное было даже не оно.

Собака, которая лаяла на любого чужого, в ту ночь не издала ни звука.

Старые записи, семейные обычаи, чёрный песок из родника и предания о Седлухе постепенно превращают случайную ночную встречу в историю, которая началась задолго до рождения самого рассказчика.

«Той ночью Шарик не лаял» — мистический рассказ из цикла «Бобровка» о памяти места, старых поверьях и страхе перед тем, что может годами стоять рядом, не проявляя себя — пока однажды не решит посмотреть вам прямо в окно.

Содержание

I	5
II	9
III	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Tyler Nowak

Той ночью Шарик не лаял

Той ночью Шарик не лаял

Тайлер Новак

Из цикла «Бобровка»

Записано со слов Александра Петровича, потомственно-го пасечника из села Бобровка. Фамилию рассказчик попросил не указывать.

I

Вы только напишите всё как было.

Не надо из меня дурака делать и не надо, наоборот, приукрашивать. Я вам не скажу, что видел лешего. Не скажу, что видел чёрта. И про мертвеца говорить не буду.

Я видел то, что видел.

А что это было — решайте сами.

Мне сейчас уже легче об этом рассказывать. Тогда бы не рассказал. Тогда я дня три даже жене ничего не говорил. Мы ещё вместе жили. Она спрашивает:

— Ты чего такой?

А что я ей скажу?

Что взрослый мужик, который один ночевал и в тайге, и на сенокосах, и зимой в степи машину сторожил, вдруг до рассвета лежал под одеялом и боялся лицо наружу высунуть?

Засмеётся.

Я бы сам засмеялся.

До той ночи.

Пасека у нас родовая. Не знаю, можно ли точно сказать — в пятом поколении, но прадед моего деда уже держал пчёл. У нас вообще в Бобровке с пчёлами история старая. Не вчера началась. Здесь их ещё в восемнадцатом веке разводили, когда никаких наших нынешних дорог не было.

Старики говорили:

— Бобровка пчелой кормлена.

Я в детстве думал, это поговорка.

Потом понял — нет.

У нас некоторые семьи действительно поколениями жили мёдом.

Пчела ведь что такое?

Это не корова. Не поставишь её на цепь. Не запрёшь.

Сегодня она твоя, а завтра поднялся рой и ушёл через сопку.

Хочешь — беги за ним.

Пчела сама решает, где ей жить.

Мой отец поэтому никогда не говорил «мои пчёлы».

Он говорил:

— Пчёлы у меня стоят.

Чувствуете разницу?

Я раньше не чувствовал.

Теперь чувствую.

Наша дальняя пасека стояла километрах в трёх или четырёх от деревни. По прямой, может, и меньше. Дорога туда делала крюк через поля.

Если не знаешь, где она, — пройдёшь в ста метрах и не заметишь.

Представьте: поле идёт ровно, потом земля вдруг проседает. Не овраг даже, а длинная ложбина. По краям трава человеку почти по пояс, местами выше. Кусты. Ивы. Тальник. Весной всё мокрое, летом высыхает.

А внизу — пасека.

Домик.

Банька.

Сарай.

Навес.

Ульи рядами.

И родник.

Вот родник был особенный.

В самые жаркие дни вода такая холодная, что зубы ломило. Опустишь бутылку минут на десять — достаёшь словно из холодильника.

Вода чистая.

А на дне песок тёмный.

Не весь.

Обычный песок, глина, мелкий камень, а между ними будто чёрная крупа.

Я в детстве эти крупинки собирал.

Отец увидел — дал по рукам.

— Не тащи домой.

— Почему?

— Потому.

Вот и всё объяснение.

У наших отцов вообще много было объяснений такого рода.

«Почему?»

«Потому».

И живи дальше.

II

Седлуху от пасеки не видно.

Из ложбины вообще мало что видно, кроме неба да вер-
хушек травы.

Но если подняться наверх, на поле, она стоит в стороне.

Кто видел, тот поймёт, почему Седлуха.

С одного места действительно похожа на седло.

А есть другая точка — мне ещё бабка показывала, — от-
куда гора похожа совсем на другое.

Будто огромная женщина лежит на спине.

Голова.

Грудь.

Колени.

И рука будто лицо прикрывает.

Я мальчишкой смеялся.

Бабушка сказала:

— Не смейся над горой.

— А что она мне сделает?

Она посмотрела на меня и ответила:

— Ничего. Вот потому и не смейся.

Этого я тогда тоже не понял.

Про Седлуху рассказывали, будто под ней много воды.

Не ручей.

Не родник.

А именно вода внутри горы.

Целые пустоты.

Старики говорили — море.

Ясное дело, какое море под горой? Я взрослый человек. У меня образование нормальное. Я на заводе работал, прежде чем полностью пасекой заняться. Понимаю, что есть водонесные горизонты, трещины, подземные воды.

Но в деревне говорили именно так:

море.

Говорили, копали когда-то там что-то, руду искали, золото. Говорили, вода мешала.

Насколько правда — не знаю.

Врать не буду.

Только родников вокруг действительно много.

И холодные они.

Ещё рассказывали старую сказку, будто раньше здесь было озеро, а Седлуха была не горой, а великаншей. И когда её дети или внуки полезли за звёздами — это уже кто как рассказывал, — она вобрала в себя воду озера.

Почему-то в детстве меня именно это пугало.

Не великаны.

Не звёзды.

А мысль о горе, внутри которой осталась вода.

Много воды.

Тёмной.

Холодной.

Которая стоит там сотни, тысячи лет.

Знаете, ребёнок иногда подумает такую ерунду, а потом боится.

Я ночью лежал и представлял, что гора внутри пустая.

А в ней вода.

И кто-то в этой воде открывает глаза.

Потом вырос.

Забыл.

III

На пасеке у нас всегда была собака.

Когда я уже сам хозяйствовал, был Шарик.

Обычная дворняга.

Не маленький. Килограммов двадцать пять.

Чёрный, грудь белая, ухо одно стояло, второе висело.

Характер хороший.

Людей он не рвал, но чужого слышал раньше нас.

Если по дороге шёл человек, которого он знал, Шарик мог просто хвостом махнуть.

Если незнакомый — начинал ворчать.

Не лаять даже сначала.

Именно ворчать.

А если ночью кто возле пасеки проходил — там концерт был.

Лисы.

Собаки.

Коровы иногда забредали.

На всё реагировал.

Особенно на ежей.

Ежа увидит — всё. Конец света.

В ту ночь он не издал ни звука.

Вот это запомните.

Потому что лицо в окне я себе ещё могу как-нибудь объ-

яснить.

Человек.

Бродяга.

Пьяный.

Охотник.

Псих.

Кто угодно.

Но почему молчала собака — я не знаю до сих пор.

Было это летом.

Жара стояла несколько дней.

Мёд шёл хорошо.

Я приехал с утра, работал до вечера. Дымарь, рамки, корпус таскал. Обычная работа.

Кто с пчёлами не работал, думает, что пасечник только мёд ест.

Попробуйте в тридцать градусов несколько десятков ульев перебрать.

К вечеру рубашку можно выкручивать.

Потом баньку протопил.

У нас маленькая была, на двоих максимум. Помылся.

После бани вышел — красота.

Солнце уже за поле ушло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.